

# Рука трупа / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Рука трупа / рассказ РУКА ТРУПА

Однажды вечером, месяцев восемь тому назад, у одного из моих друзей, Луи Р., собралось несколько школьных друзей. Мы пили пунш, курили, болтали о литературе и живописи, то и дело обмениваясь шутками, как водится в компании молодых людей. Вдруг распахнулась дверь, и, как ураган, влетел один из друзей моего детства.

– Угадайте, откуда я! – воскликнул он.

– Пари держу, из Мабилля! – ответил один.

– Нет, ты слишком весел, ты, верно, занял где-то деньжонок, или похоронил дядюшку, или удачно заложил часы, – заметил другой.

– Ты нализался, – сказал третий, – и, почуяв, что у Луи пунш, явился еще раз промочить горло.

– Вы не угадали, я приехал из П... в Нормандии, где провел целую неделю, и привез оттуда своего друга, известного преступника; разрешите представить его вам!

С этими словами он вытащил из кармана кисть человеческой руки, кисть, с которой была содрана кожа. Рука была ужасна: черная, высохшая, очень длинная, как бы скрюченная. На необычайно развитых мускулах оставались сверху и снизу полосы кожи, похожей на пергамент, на концах пальцев торчали желтоватые острые ногти. От всего этого на целую милю пахло преступлением.

– Представьте себе, – рассказал мой друг, – недавно распродавали пожитки одного старого колдуна, известного во всей округе: он каждую субботу, оседлав помело, отправлялся на шабаш, занимался белой и черной магией, напускал порчу на коров, отчего у них молоко становилось синим, а хвосты закручивались винтом, как у компаньона святого Антония. Старый негодяй питал большую привязанность к этой руке, которая, по его словам, принадлежала одному знаменитому преступнику,

казненному в 1736 году за то, что он спихнул вниз головой в колодец свою законную жену (в чем я лично вины не нахожу), а обвенчавшего их священника повесил на колокольне. После этого двойного подвига он пустился во все тяжкие и в течение своей столь же короткой, сколь и богатой событиями жизни, ограбил дюжину путешественников, задушил дымом в монастыре десятка два монахов, а в женской обители устроил гарем.

– Но что ты собираешься делать с этой гадостью? – спросили мы.

– Черт побери, сделаю ее ручкой для звонка, чтобы пугать кредиторов!

– Мой друг, – сказал Генри Смит, высокий и весьма флегматичный англичанин, – по-моему, эта рука – просто-напросто мясо, консервированное по новому способу; советую тебе сварить из нее бульон.

– Не шутите, господа! – с величайшим хладнокровием возразил студент-медик, наполовину уже пьяный, – а ты, Пьер, послушайся моего доброго совета и по-христиански похорони эту часть трупа, иначе владелец еще явится к тебе за нею; к тому же у него могут быть скверные привычки; ведь ты знаешь пословицу: «Кто убил – вновь убьет».

– А кто пил – снова пьет! – подхватил хозяин и налил студенту огромный стакан пунша; тот одним духом осушил его и свалился под стол, мертвецки пьяный, что было встречено оглушительным хохотом. Пьер произнес, подняв свой стакан и кланяясь руке:

– Пью за предстоящий визит твоего владельца! Затем мы заговорили о другом и вскоре разошлись по домам.

На следующий день около двух часов я проходил мимо дома, где жил Пьер, и зашел к нему. Он читал, покуривая.

– Ну, как поживаешь? – спросил я.

– Отлично! – ответил он.

– А где же рука?

– Рука? Разве ты не видел ее на шнурке звонка, к которому я ее вчера вечером прицепил, вернувшись домой? Кстати, представь себе, какой-то идиот в полночь принялся трезвонить у моей двери, наверное, просто из озорства, я опросил, кто там, но мне ничего не ответили; я снова улегся и заснул.

В это время позвонили. То был домовладелец, грубый и

неприятный субъект. Войдя, он даже не поздоровался.

– Милостивый государь, – сказал он моему другу, – извольте немедленно убрать эту пададь, которую вы повесили на шнурок звонка, иначе я буду вынужден отказать вам от квартиры.

– Милостивый государь, – отвечивший Пьер с чрезвычайной серьезностью, – вы оскорбляете руку, которая этого не заслужила; знайте, что она принадлежала благовоспитанному человеку.

Хозяин повернулся и вышел, не простившись. Пьер последовал за ним, отвязал руку и прицепил ее к шнуру звонка над своей постелью.

– Так будет еще лучше, – заметил он, – эта рука, подобно словам траппистов: «Брат, придется умереть!» – будет наводить меня на серьезные мысли каждый вечер, перед сном.

Через час я ушел от него и вернулся домой. Ночью я спал плохо, был взволнован, нервничал и несколько раз внезапно просыпался; одно время мне даже казалось, что ко мне кто-то забрался, и я вставал, чтобы заглянуть под кровать и в шкафы. Наконец к шести часам утра я задремал, но тут же соскочил с постели, разбуженный яростным стуком в дверь. Это был слуга моего друга, полуодетый, бледный и дрожащий.

– О сударь, – воскликнул он, рыдая, – моего бедного хозяина убили!

Я наскоро оделся и побежал к Пьеру. Дом был полон народу, все бегали взад и вперед, взволнованно спорили, обсуждая и объясняя происшествие на все лады. С большим трудом я добрался до спальни; дверь была заперта, но я назвал себя, и меня впустили. Четверо агентов полиции стояли посреди комнаты с записными книжками в руках, тщательно все исследуя; по временам они тихо переговаривались и что-то записывали; два врача беседовали возле постели, на которой без сознания лежал Пьер. Он был еще жив, но ужасен на вид. Глаза вышли из орбит, расширенные зрачки, казалось, неотрывно, с невыразимым ужасом глядели на что-то чудовищное, неведомое; пальцы были скрючены. Тело было до подбородка укрыто простыней. Приподняв ее, я увидел на шее следы пяти глубоко вонзившихся в тело пальцев; несколько капель крови алело на рубашке. В этот момент меня

поразило одно: случайно взглянув на шнурок звонка над постелью, я увидел, что на нем уже не было руки с содранной кожей. По-видимому, доктора сняли ее, чтобы не пугать людей, входящих в комнату раненого, ибо рука была поистине ужасна. Я не стал осведомляться, куда она девалась.

Приведу теперь помещенное на следующий день в газете описание этого преступления, со всеми подробностями, какие полиции удалось установить.

Вот что я там прочитал:

«Молодой Пьер Б., студент-юрист, принадлежавший к одной из известнейших нормандских фамилий, стал вчера жертвой ужасного нападения. Юноша вернулся домой около десяти часов вечера и отпустил своего слугу Бонвена, сказав ему, что устал и ляжет спать. Около полуночи слуга был разбужен звонком хозяина, трезвонившим изо всей силы, Испугавшись, он зажег свечу и стал ждать. С минуту звонок молчал, а затем зазвонил опять, и так отчаянно, что слуга, сам не свой от испуга, бросился будить привратника; последний побежал за полицией, и через четверть часа полицейские уже взламывали дверь.

Страшное зрелище представилось их глазам: мебель была опрокинута, все указывало на то, что между преступником и его жертвой происходила ожесточенная борьба. Посреди комнаты неподвижно лежал на спине молодой Пьер Б.

Тело его было сведено судорогой, лицо смертельно бледно, зрачки страшно расширены; на шее виднелись глубокие отпечатки пальцев. По мнению доктора Бурдо, вызванного немедленно, напавший, очевидно, обладал невероятной силой; руки его, по-видимому, были необыкновенно худы и жилисты, ибо пальцы, следы которых походили на пять отверстий от пуль, почти сомкнулись сквозь шею. Нет никаких указаний ни на личность убийцы, ни на причину преступления».

На другой день в той же газете сообщалось:

«Г-н Пьер Б., жертва ужасного злодеяния, о котором мы вчера сообщали, пришел в себя после двух часов настойчивых усилий доктора Бурдо. Его жизнь вне опасности, однако рассудок

внушает серьезную тревогу; ни малейших следов убийцы по-прежнему не обнаружено».

Действительно, мой бедный друг сошел с ума; целых семь месяцев я ежедневно навещал его в больнице, но рассудок к нему уже не вернулся. В бреду у него вырывались странные слова и, как всех сумасшедших, его мучила навязчивая мысль: ему все время казалось, что его преследует призрак. Однажды за мной прибежали, сообщив, что Пьеру стало хуже; я поспешил прийти и нашел его уже в агонии. В течение двух часов он был совершенно спокоен; затем вдруг, соскочив с кровати, хотя мы пытались удержать его, он закричал, размахивая руками, в припадке непреодолимого ужаса: «Убери ее! Убери ее! Она меня душит! Помогите! Помогите!»

Пьер с воплями дважды обежал комнату и упал ничком мертвый.

Так как он был сиротой, то мне поручили отвезти его тело в нормандскую деревушку П., где хоронили всех членов его семьи. Это была та самая деревня, откуда Пьер приехал в тот вечер, когда мы пили пунш у Луи Р., и показал нам руку с содранной кожей. Тело его положили в свинцовый гроб, и четыре дня спустя я печально прогуливался со старым кюре, его первым учителем, по маленькому кладбищу, где рыли могилу. Погода была чудесная, солнце сияло в голубом небе, птицы распевали в терновых кустах, на откосе, где мы детьми столько раз собирали ежевику. Мне вспомнилось, как мы пробирались вдоль изгороди и пролезали в хорошо известную нам дыру, вон там, в самом конце участка, где хоронят бедняков. Потом мы возвращались домой с почерневшими от ягод губами и щеками. Я взглянул на кусты: на них было множество ягод. Машинально я сорвал одну и поднес ко рту. Кюре открыл требник и бормотал свои *Oremus* [1], а в конце аллеи слышались удары заступов: могильщики рыли яму. Вдруг они позвали нас, кюре закрыл молитвенник, и мы отправились узнать, что им нужно. Оказалось, что они нашли гроб. От удара заступа крышка слетела, и мы увидели скелет огромного роста, который лежал на спине и как будто угрожающе смотрел на нас пустыми глазницами. Мне стало не по себе; не знаю почему, меня охватил

страх.

– Вот те на! – воскликнул один из могильщиков. – Поглядите-ка, у этого молодца отрезана кисть! – И, подняв лежавшую рядом со скелетом большую иссохшую руку без кисти, он протянул ее нам.

– Он как будто смотрит на тебя, – заметил другой, смеясь, – и вот-вот вцепится в горло, чтобы ты отдал ему руку!

– Друзья мои, – сказал кюре, – оставьте мертвеца поживать с миром и закройте гроб; могилу для нашего бедного Пьера мы выроем в другом месте.

Назавтра все было кончено, и я уехал в Париж, оставив старому кюре пятьдесят франков на панихиду за упокой души того, чей прах нам пришлось случайно потревожить.

\* \* \*

[1] Помолимся (лат.) – католическая молитва.

Первая из напечатанных новелл Мопассана, опубликованная им в 1875 году в «Альманахе Понт-а-Муссон» под псевдонимом Жозеф Прюнье. Тему этой новеллы Мопассан затем переработал в новелле «Рука» (т. IV).

Из Мабилля! – из парижского увеселительного заведения.

...как у компаньона святого Антония. – Спутником святого Антония была свинья.

Трапписты – монашеский орден.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10. Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958

Перевод Валентина Дмитриева. Neкаýalar